

Права индивида и забота о будущем рода: возможности и границы построения аксиоматики правового регулирования биоинжиниринга¹

Аннотация. В статье анализируется возможность спрогнозировать и даже ретроспективно проследить все социально-исторические последствия научных открытий, а также их воздействие на глубинные слои человеческой экзистенции. На примере исследований, приведших к открытию антибиотиков, демонстрируются границы и возможности тех, кто претендует на роль экспертов в области футурологии. Анализу подвергается роль социальных институтов и практик, посредством которых достигается контроль над процессами использования новейших достижений науки, а также недостаточный уровень компетентности в управлении развитием технических систем. Эксплицируются интуиции философов и представителей гуманитарной интеллигенции по поводу таких значимых эффектов современности, как «культурно-этническое перераспределение» и другие аналогичные результаты развития научной мысли. Намечаются контуры аксиологической неопределенности, в которой оказываются российские законодатели в стремлении опереться в своей деятельности на российскую традицию, которая включает в себя дореволюционный, революционный и постреволюционный периоды. Эти периоды очень различаются с аксиологической точки зрения. При этом ценностные разрывы то возникали, то сглаживались и преодолевались, а вся система ценностей находится в процессе поиска собственной идентичности. Исследуются концептуальные возможности презентации в предметном пространстве юридической мысли явления соматических прав человека в контексте их законодательной защиты. Анализируются опыты обсуждения юристами темы целостности личности и средств ее правовой защиты. Рассматриваются вопросы соотношения индивидуального и коллективного целеполагания в обществе знания и в рамках современной системы социальных отношений. Подвергаются философско-критической рефлексии действующие принципы биоэтики как основания правового регулирования и как импликации системы гуманитарных ценностей и прав человека.

Ключевые слова: гуманитарные ценности; правовое регулирование; целостность личности; биоинжиниринг; аксиология; праксеология; аксиомы; генетические исследования; глобальные вызовы; глобализация; социальные функции.

Для цитирования: Пржиленский В. И. Права индивида и забота о будущем рода: возможности и границы построения аксиоматики правового регулирования биоинжиниринга // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 4. — С. 11—19. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.011-019.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14002.

© Пржиленский В. И., 2020

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vladprnow@mail.ru

Rights of an Individual and Care for the Future of the Ancestry: Possibilities and Boundaries of Axiomatics Construction in the Context of the Legal Regulation of Bioengineering²

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vladprnow@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the possibility to predict and even retrospectively trace all socio-historical consequences of scientific discoveries, as well as their impact on the deep layers of human existence. On the example of the studies that led to the discovery of antibiotics, the boundaries and capabilities of those who claim to be experts in the field of futurology are demonstrated. The paper elucidates the role of social institutions and practices through which the control is exercised over the processes of using the latest achievements of science and insufficient level of competence in managing the development of technical systems. The author highlights the intuition of philosophers and representatives of the humanitarian intelligentsia regarding such significant effects of modernity as “cultural and ethnic redistribution” and other similar results of the development of the scientific thought. The paper provides for the outlines of axiological uncertainty in which Russian legislators find themselves seeking to rely in their activities on the Russian tradition, which includes pre-revolutionary, revolutionary and post-revolutionary periods. These periods are very different from the axiological point of view. At the same time, value gaps arose, were smoothed and overcome, and the whole system of values is in the process of searching for their own identity. The author has investigated the conceptual possibilities of presentation in the content area of the legal thought of the phenomenon of somatic human rights in the context of their legislative protection. Discussions among lawyers of integrity of the individual and means of its legal protection are analyzed. The paper deals with the correlation of individual and collective goal-setting in the Society of Knowledge and within the framework of the modern system of social relations. The current principles of bioethics as the basis of legal regulation and as implication of the system of humanitarian values and human rights are subject to philosophical and critical reflection.

Keywords: humanitarian values; legal regulation; integrity of an individual; bioengineering; axiology; praxeology; axioms; genetic research; global challenges; globalization; social functions.

Cite as: Przhilenskiy VI. Prava individua i zabota o budushhem roda: vozmozhnosti i granicy postroenija aksiomatiki pravovogo regulirovaniya bioinzhiniringa [Rights of an Individual and Care for the Future of the Ancestry: Possibilities and Boundaries of Axiomatics Construction in the Context of the Legal Regulation of Bioengineering]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(4):11—19. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.011-019. (In Russ., abstract in Eng.).

Открытие антибиотиков: одна история до и две истории после

До нас дошли сведения, что целители доисторической эпохи и древних цивилизаций умели использовать плесень и гниющую органику в качестве средств от заражения и для лечения инфекций. Например, им было известно, что, приложив к нагноившейся ране плесневелый хлеб, можно предотвратить дальнейшее распростра-

нение болезни. Эти знания приобретались опытным путем, эффективность их применения была крайне низкой в сравнении с возможностями современной медицины, а до открытия антибиотика было еще далеко. Рассказ о целебных свойствах плесени, пройдя долгий путь превращения магического знания в натурфилософское, а затем и научно-медицинское, не вызывал никакого беспокойства, если не считать отдельных эпизодов отнесения церковью экспериментов

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18-29-14002.

в области врачебного искусства к магическим практикам. А уж когда во второй половине XIX в. ученые вплотную подошли к открытию пенициллина, в нем, как и в других открытиях, воплощающихся в лекарственных средствах, виделось спасение людей от болезней, в том числе и смертельных. Имена этих ученых, среди которых, наряду с итальянскими, британскими и французскими, есть и русские, навсегда вошли в историю медицины. В 1945 г. Александр Флеминг, Говард Флори и Эрнст Чейн были удостоены Нобелевской премии.

История, предшествовавшая открытию целебных свойств зеленой плесени, выделению из нее *Penicillium* и превращению последнего в чрезвычайно эффективное лекарственное средство, ничем не выделяется из тысячи подобных историй, повествующих нам о научном прогрессе, величайших открытиях и т.п. А вот в истории использования этого открытия можно выделить два измерения или даже две «истории после». Если проецировать результаты применения *Penicillium* на судьбы отдельных индивидов, сколь ни велика была бы их численность, то «история после» сведется к статистике вылеченных и избежавших заболевания. И эта весьма впечатляющая история более или менее подробно прописана во всех курсах по истории науки. Открытие *Penicillium* позволило сохранить жизни вначале тысячам, а затем и миллионам людей по всему миру, чему немало способствовало понимание европейцами своей прогрессивной миссии, приобщавшими, в меру возможностей, народы к достижениям западной науки и медицины. Данная история может быть названа первой «историей после». Она лежит на поверхности и не вызывает вопросов, помимо малосущественных деталей.

Перспективные запреты и ретроспективные оценки последствий

Но есть и другая «история после» — история, которую стало можно начинать писать лишь спустя столетие, когда стали проявляться первые отда-

ленные, но очень существенные последствия великого открытия. Это вторая история, учитывающая судьбы стран, народов и цивилизаций, иначе оценивает и масштабы, и направленность интересующих нас перемен. Отдаленное и во многом не прямое влияние антибиотиков оказалось столь же сильным, сколь и неожиданным. Более того, новое лекарственное средство оказало диаметрально противоположное влияние на индустриальные и доиндустриальные общества.

В XX в. европейцы радикально изменили свое отношение к тому, что являлось абсолютной целью и ценностью для всех предшествующих поколений — стремление к продолжению рода. Данное стремление, восходящее к универсальному для всех форм жизни инстинкту размножения, трансформируется у людей в осознанное желание иметь детей и заботиться о них. Но та же самая природа, наделившая все живое способностью к размножению, создала на этом пути немало преград, имеющих как биологическую, так и социальную природу. В результате даже при безотказно действующем инстинкте из 10 родившихся детей в Средние века до совершеннолетия доживали менее половины³. Разумеется, в условиях высокой детской смертности всерьез говорить о контроле над рождаемостью не имеет никакого смысла.

Вторая «история после» как история глобальных социальных последствий открытия *Penicillium* разделилась на историю «цивилизованных», то есть европейских и европеизированных стран и народов, с одной стороны и историю стран и народов третьего мира — с другой. Европейцы, а также европейские колонисты в Северной Америке или Австралии резко изменили образ жизни: в большинстве своем они перестали стремиться к максимальному количеству детей, довольствуясь одним или двумя. Во многом этому способствовала затронувшая европейцев социальная рационализация и индивидуализация, которая сама отчасти была спровоцирована новыми возможностями. Иметь одного или двух детей для женщины — это путь к равноправию, это

³ Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. М. : Alexandria, 2010. С. 17—19.

возможность получить образование и сделать карьеру, реализовать себя в творчестве или бизнесе. А для мужчины — это возможность не чувствовать себя обремененным семьей. То есть минимизировать заботы о том, как прокормить неработающую, а значит, и не зарабатывающую жену, не говоря уж о потомстве. И пусть не всем дано творить, выход найдется во всеохватывающем и всепоглощающем консьюмеризме.

В то же самое время обладание лекарственными средствами и общий рост доступности медицинских услуг спровоцировали демографический взрыв в странах третьего мира. Азия, Африка и Латинская Америка столкнулись со стремительным ростом населения и его омоложением, оказавшись в противофазе развитию Запада. Как в противофазе оказались и представления о вероятном будущем у лиц, идентифицирующих себя с различными этноконфессиональными общностями.

Этическое и прагматическое в дискуссиях об управлении демографией

Демографическая ситуация европейских стран вызывает у большинства коренных европейцев уныние, хотя обычно им и в голову не приходит сожалеть об открытии столетней давности. Эффект «парового котла», с которого срывает перегретым паром крышку, заставляет вспомнить о временах великого переселения народов и последствиях этого процесса. Плохо тем, кто опасается перспективы неизбежного превращения в социокультурное и этноконфессиональное меньшинство, плохо и тем, кто вынужден покидать родные места и искать лучшей доли в не очень-то гостеприимных землях. Нарушены ли при этом чьи-то права? Например, право на будущее? Была ли возможность правового регулирования медико-биологических исследований, приведших к появлению пенициллина и его дальнейшего применения? А если нет, то может ли человек, ставший на путь научно-технического прогресса, быть уверенным в сохра-

нении собственной субъектности или ему суждено рано или поздно превратиться в объект «прогрессивных» изменений?

Здесь вполне уместно процитировать И. Бродского, заявлявшего своим слушателям, что, если «повторение — мать скуки, демография (которой предстоит сыграть в вашей жизни гораздо большую роль, чем любому из усвоенных вами здесь предметов) — ее второй родитель. Возможно, это звучит мизантропически, но я вдвое старше вас и на моих глазах население земного шара удвоилось. К тому времени, когда вы достигнете моего возраста, оно увеличится вчетверо, и вовсе не так, как вы ожидаете. Например, к 2000 году произойдет такое культурно-этническое перераспределение, которое станет испытанием для вашего человеколюбия»⁴. Нетрудно заметить, что поэт говорит не об обычной скуке. Скорее, здесь речь идет о бесконечном ожидании чего-то немислимого, и это что-то, генетически связанное с демографией, кажется поэту настолько существенным, что способно «стать испытанием для человеколюбия».

Эксперты и аналитики, обсуждая складывающуюся ситуацию и перспективы ее развития, безуспешно стараются оставаться безучастными. При этом они также прогнозируют последствия, которые выглядят достаточно безрадостно. Говорить о демографии, не выходя за рамки сухих цифр и основанных на фактах прогнозов, крайне затруднительно еще и по соображениям многочисленных моральных запретов, к которым порой добавляются даже юридические ограничения. Овладевающее многими чувство бессилия и обреченности связано с тем, что любые обсуждения возможности государственного вмешательства, будь то правовое регулирование или управленческие решения, сразу же осуждаются как вид насилия и как грубое нарушение суверенных прав личности.

Не одни лишь антибиотики виноваты в радикальном и амбивалентном изменении демографии, но их вклад вряд ли может быть поставлен под сомнение. Между тем давно уже пора осознать, что вмешательство медицины переводит

⁴ Бродский И. Похвала скуке. Речь перед выпускниками Дармурского колледжа в июне 1989 года // Знамя. 1996. № 4. С. 11.

естественные процессы жизни в очень даже неестественные и все прежние соображения, допущения, императивы и запреты необходимо переосмыслить исходя из этого обстоятельства. Так, снятие запрета на эвтаназию не в последнюю очередь было связано с осознанием того, что дальнейшее развитие техники и медицины сможет неограниченно продлевать сроки жизни тела, а иногда и разума. При этом называть такую жизнь естественной можно лишь в некотором смысле. Как и ее прерывание все труднее называть неестественным.

Разумеется, как пассивная, так и активная эвтаназия являются видами вмешательства, но вот сам процесс ухода за больным далеко не всегда может рассматриваться как простое сопровождение естественного процесса. И если открытие лекарства позволило спасти жизнь больному, вылечить его без видимых негативных последствий, то это событие, относящееся к микроуровню, в масштабах общества и его культуры способно в исторической перспективе породить самые неожиданные и очень даже нежелательные эффекты на макроуровне. И эти эффекты оказываются настолько разрушительными для естественных порядков и процессов, что способны «стать испытанием для человеколюбия» самых человеколюбивых.

Индивидуальное versus Коллективное: от «и» к «или»

Сегодня в специальной литературе ведутся активные обсуждения разнообразных проблем, традиционно относящихся к сфере биоэтики, и одна из самых популярных тем — генетические исследования, возможности и границы вмешательства в естественный ход событий на генетическом уровне, редактирование генома и т.п. Эта тема непосредственно коррелирует с темой прав человека: в основе биоэтики лежат гуманистические идеалы и гуманитарные ценности, в центре которых — человек с его достоинством и правами. И человеческое достоинство, и права человека в полном соответствии с базовыми ценностями европейской цивилизации нуждаются в защите, и обязанность возлагается на государство и общество. Там, где вопросы

задаются не об индивиде, а о коллективе, будь то общество, народ, нация, этнос, разговор переводится из сферы аксиологии в область праксеологии, а этический дискурс превращается в политический, организационно-управленческий, прагматический. Вместо *защиты прав* речь начинает идти об *обеспечении безопасности*. Объяснение этого надо искать в истории европейской мысли, в разное время в разных пропорциях соединяющей в себе умонастроения философов, теологов, политиков, идеологов, гуманистов-гуманитариев и законотворцев.

Аристотель уравнивал этику и политику, рассматривая их как два учения об благе. Согласно философскому учению Стагирита, этика позволяет определить индивидуальное благо и наметить кратчайший путь к его достижению, тогда как политика учит находить коллективное благо и средства его достижения. Аристотель призывал к гармонии, и сама онтологическая структура его концепции блага, бытийно уравнивающая индивидуальное и коллективное целеполагание, способствовала этому. Христианство девальвировало все эти рассуждения, уподобив всю земную жизнь испытанию, похожему на хождение по минному полю, где по замыслу божьему дьяволом расставлены ловушки. Попадание в ловушку, как и подрыв на mine означает смерть. Только при реальном взрыве поражается тело, а попадание в ловушку дьявола способно погубить душу.

Ренессанс возвращает земной жизни традиционный смысл, но на этой вновь обретенной, то есть отделенной от загробного мира земле находится место только индивидам, и только каждому в отдельности. Коллективные цели также признаются легитимными, но они должны быть всецело подчинены интересам индивидов, чья личность признается уникальной, а воля и целеполагание — самодостаточными. Таковы ценности европейские и они воплощены в европейском праве и в социальных практиках. История признания этих ценностей российским обществом, как и история их воплощения в праве сложна и противоречива. Так, начиная с петровских и екатерининских времен в российских университетах излагались идеи и учения европейских авторов, но в законодательной, управ-

ленской и правоприменительной практики реализация этих идей была отлична от европейской.

Многоликий гуманизм и поиски ценностных оснований ad hoc

Многочисленные споры славянофилов и западников, либералов и почвенников, социалистов и монархистов завершились в эмиграции грандиозным учением евразийцев, а пришедшие им на смену большевики пересмотрели все ценности и постулаты европейского гуманизма. Им понадобилось десятилетия, прежде чем удалось вернуть понятиям гуманизма, личности и др. смыслы, более или менее сходные с европейскими. «Привилегированным местом, — пишет А. Н. Бикбов, — определения «гуманизма» как закрепления «демократических основ положения личности и прав советских граждан» становится юридический комментарий, поясняющий политический смысл принятия в 1977 г. Конституции. Здесь, вслед за более высокими образцами официальной риторики, «социалистический гуманизм» не только позитивно определяется через «права человека», ранее относимые к сфере буржуазной юриспруденции и идеалистических концепций естественного права, а потому подвергавшихся критике с позиций исторического материализма»⁵.

Эволюция системы ценностей от раннебольшевистского отрицания любой внеклассовой морали из-за явных или неявных апелляций ее адептов к религии к позднесоветскому сближению с европейской традицией позволила вернуть в основание системы ценностей понятия гуманизма, личности, прав человека. «Мы говорим, — писал в свое время В. И. Ленин, — что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»⁶. Таким образом,

ленинское утверждение о том, что нравственным является то, что служит интересам рабочего класса, следует оценивать скорее как политическую декларацию, родившуюся в спорах с теми, кто пытался сохранить европейскую традицию апелляции к традиционным ценностям.

Показательно, что в официальной риторике конца 1970-х понятие «права человека и личности» оттесняет концепт «социализм» от таких важных его маркеров, как «труд» и «борьба», и фактически замещает их. «Контекст определения “гуманизма” задается сочетанием всего спектра тем: базовой темы “труда, свободного от эксплуатации” и “антимилитаризма” конца 1950—1960-х, “конкретно-исторического” определения человека в противовес “абстрактному” (с отсылками к текстам Маркса и Ленина) и одновременно “всестороннего развития свободной человеческой личности” (1960-е), “классовой борьбы” (1930-е) и сопутствующим “признанием ценности человека как личности” (1960-е), наконец, “права на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей”, постоянно воспроизводимую и детализированную на протяжении 1970-х»⁷.

Как известно, утверждение о приоритете общечеловеческих ценностей стало началом сворачивания всего коммунистического проекта и прологом к разрушению государства. Последовавшая затем политика возвращения в общеевропейскую семью, длившаяся первое десятилетие, обернулась движением вспять и поисками особого пути. Но при этом и российская конституция, и законы, и даже тексты соответствующих учебников не ставят под сомнение ни ценности гуманизма, ни идеалы просветителей, ни гуманитарные ценности и права человека. Отсюда трудности, вызванные необходимостью согласования идей, теорий и ценностей, возникших на основании иного, чем российский, социального и политического опыта, с потребностями российской жизни, в том числе и по-

⁵ Бикбов А. Н. Грамматика порядка : Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М. : Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 187—188.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 17. С. 316. URL: <https://leninism.su/books/4262-mysli-lenina-o-religii.html?start=13> (дата обращения: 05.05.2019).

⁷ Бикбов А. Н. Указ. соч. С. 189.

требностями в законах и законодательных актах, не противоречащих ценностям и установкам управленческой элиты и всего общества в целом. Одними из наиболее трудных здесь являются вопросы ценностных оснований правового регулирования научно-технического развития страны, в частности генетических исследований, искусственного интеллекта, цифровизации и т.п.

Европейские исследователи Х. Новотны и Г. Теста солидаризируются с теми, кто видит угрозы социальному порядку. По их мнению, суть угрозы состоит в том, что догенетический образ мысли, опровергнутый научным развитием данной области, был частью не только научных теорий, но и социальных институтов, целей и ценностей. И теперь любые новые знания, получаемые в ходе генетических исследований, ставят под сомнение всю прежнюю картину мира, а за ней и способ его легитимации. «Возникающий перед обществом вопрос, — пишут Х. Новотны и Г. Теста, — заключается в том, каким образом формы жизни, созданные с помощью молекулярных подходов... должны быть интегрированы в существующий социальный порядок. Три дискурса дают частичные и противоречивые ответы на этот вопрос — дискурс инноваций, дискурс риска и ценностный дискурс»⁸.

Новые возможности, как всегда, порождают новые риски. Хотя и прежние никуда не исчезают. Более того, прежние риски обретают новое качество. Сегодня невозможно не только спрогнозировать, но даже и помыслить все изменения в жизни людей, которые приносит с собой способность вторгаться с исследовательскими целями в область, которую нельзя просто наблюдать. Не менее существенным является воздействие новых открытий на умы людей. «Биологические науки, — пишет С. Фуллер, — в данный момент наслаждаются всеобщим вниманием как источник многочисленных генетических и эволюционных баек, большая часть из которых была создана уже после того, как Лиотар диагностировал состояние постмодерна... Тем

не менее эти нарративы, хотя и контринтуитивные по сюжетной структуре и объяснительным стратегиям, склонны легитимировать господствующие верования и обычаи общества»⁹.

Эпистемологическая специфика геномных исследований состоит в том, что вмешательство здесь практически неотделимо от собственно исследовательской деятельности. Физики еще на пороге XX в. столкнулись со сходной ситуацией: объекты микромира не обнаруживали себя без активного взаимодействия с приборами, которые фактически «вынуждали» их реагировать. И еще тогда встал вопрос о том, чем отличается знание об объекте, полученное в процессе активного вмешательства в естественный ход вещей, от знания, полученного в ходе наблюдения или по крайней мере в ходе эксперимента, не затрагивающего само существо объекта. Все столетие не прекращались дискуссии, которые отредактировали принципы и нормы эпистемологии, приведя к торжеству неклассических представлений о познании, и, в частности, к пересмотру идеала научной объективности. Старые споры о детерминизме и свободе воли обрели новое звучание. Как отмечает С. Фуллер, «убедительность этих общих “социобиологических” сказок коренится в том, что они исключают человеческую агентность из истории, так что получается, что никто не отвечает за свою судьбу. В этом смысле они не несут той “критической” функции, свойственной старым метанарративам. Нетрудно проследить связь между подъемом социобиологии и вышеописанной “ориентализацией” интеллектуальной жизни, особенно если понимать генетику в кармических терминах»¹⁰.

Новое определение возможностей и границ правового регулирования научных исследований

Поскольку вопрос стоит об онтологических допущениях и моральных принципах правового регулирования генетических исследований,

⁸ Nowotny H., Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2010. P. 49.

⁹ Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни : Карьера ума внутри и вне академии. М. : Дело, 2018. С. 63.

¹⁰ Фуллер С. Указ. соч. С. 63.

необходимо еще раз вернуться к проблемам различения естественного и неестественного, то есть искусственного или сконструированного. Эта граница смещается постоянно не только потому, что расширяется вмешательство человека в природные процессы, но и потому, что изменяются его представления о естественном. Насколько естественной была вся эволюция человека? Разве использование им огня или колеса было естественным? Как и все последующие инновации, целью которых выступали и тело, и сознание, и жизнь, создание антибиотика следует признать продолжением процесса, порожденного человеческой природой. Этому посвящены все философско-антропологические концепции, обосновывающие право человека на изменение себя, право на риск в преддверии рождения нового, неведомого.

Между тем генетические исследования оказывают воздействие не только на жизнь инди-

видов, но и на общество, вновь и вновь изменяя представления о человеческой природе. Когда-то в СССР генетические исследования, как и сама генетика, запрещались по идеологическим соображениям. Как казалось тогда, открытия генетической программируемости подрывали не только наследие классиков марксизма-ленинизма, но и ставили под сомнение фундаментальные идеи просвещения, затрагивая основы гуманизма. Постепенно удалось соединить в одном причинном комплексе наследственность с изменчивостью, устранив тем самым противоречие между генетикой и эволюционизмом. Но сегодня успехи генетической науки обрели новое качество, к общим представлениям о детерминизме добавился опыт практического применения знаний о геноме и других данных в медицине, и не только в ней. Нашлись и другие социальные практики, в рамках которых было найдено применение новым знаниям.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамов М. А.* Проблема смерти и воскрешения в философии русского космизма и в практике естествознания // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2006. — № 4 (16). — Вып. 1. — С. 214—226.
2. *Бикбов А. Н.* Грамматика порядка : Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
3. *Бродский И.* Похвала скуке. Речь перед выпускниками Дармутского колледжа в июне 1989 года // Знамя. — 1996. — № 4. — С. 9—13.
4. *Крусс В. И.* Личностные («соматические») права человека в конституции и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. — 2000. — № 10. — С. 43—51.
5. *Лаврик М. А.* Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практики зарубежных государств // Сибирский юридический вестник. — 2006. — № 1 (28). — С. 44—62.
6. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. — Т. 17. — С. 316. — URL: <https://leninism.su/books/4262-mysli-lenina-o-religii.html?start=13> (дата обращения: 05.05.2019).
7. *Ливи Баччи М.* Демографическая история Европы. — М. : Alexandria, 2010.
8. *Сидоренко Л. И.* Методологическое измерение этоса постнеклассического биологического исследования // URL: http://iph.ras.ru/elib/Ph_sc11_16.html (дата обращения: 11.11.2018).
9. *Фуллер С.* Социология интеллектуальной жизни : Карьера ума внутри и вне академии. — М. : Дело, 2018.
10. *Hewitt J. E.* The Ethical, Legal and Regulatory Issues Associated with Pharmacogenomics: Systematically Quantifying the Literature // J Law Med. — 2018. — Apr. — 25 (3). — Pp. 782—793.
11. *Nowotny H., Testa G.* Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. — Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2010.

Материал поступил в редакцию 16 января 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramov M. A. Problema smerti i voskresheniya v filosofii russkogo kosmizma i v praktike estestvoznaniya // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. — 2006. — № 4 (16). — Vyp. 1. — S. 214—226.
2. Bikbov A. N. Grammatika poryadka : Istoricheskaya sociologiya ponyatij, kotorye menyayut nashu realnost. — M. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2014.
3. Brodskij I. Poxvala skuke. Rech pered vypuschnikami Darmutskogo kolledzha v iyune 1989 goda // Znamya. — 1996. — № 4. — S. 9—13.
4. Kruss V. I. Lichnostnye («somaticheskie») prava cheloveka v konstitucii i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy // Gosudarstvo i pravo. — 2000. — № 10. — S. 43—51.
5. Lavrik M. A. Konstitucionnye osnovaniya somaticheskix prav cheloveka: voprosy teorii i praktiki zarubezhnyx gosudarstv // Sibirskij yuridicheskij vestnik. — 2006. — № 1 (28). — S. 44—62.
6. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. — T. 17. — S. 316. — URL: <https://leninism.su/books/4262-mysli-lenina-o-religii.html?start=13> (data obrashheniya: 05.05.2019).
7. Livi Bachchi M. Demograficheskaya istoriya Evropy. — M. : Alexandria, 2010.
8. Sidorenko L. I. Metodologicheskoe izmerenie etosa postneklassicheskogo biologicheskogo issledovaniya // URL: http://iph.ras.ru/elib/Ph_sc11_16.html (data obrashheniya: 11.11.2018).
9. Fuller S. Sociologiya intellektualnoj zhizni : Karera uma vnutri i vne akademii. — M. : Delo, 2018.
10. Hewitt J. E. The Ethical, Legal and Regulatory Issues Associated with Pharmacogenomics: Systematically Quantifying the Literature // J Law Med. — 2018. — Apr. — 25 (3). — Rp. 782—793.
11. Nowotny H., Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. — Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2010.